

ГЛАВА XIII.

Как и обещала Эдит, доктор Лите проводил меня в мою спальню, когда я собирался лечь спать, чтобы проинструктировать меня о настройке музыкального телефона. Он показал, как, поворачивая винт, можно увеличить громкость музыки, чтобы она заполнила комнату, или затихла до эха, такого слабого и далекого, что едва ли можно было быть уверенным, услышал ли он это или вообразил.

Если из двух человек, сидящих бок о бок, один хотел послушать музыку, а другой - поспать, это можно было сделать слышимым для одного и неслышимым для другого.

"Я бы настоятельно посоветовал вам поспать, если сможете, сегодня ночью, мистер Уэст, предпочтя слушать лучшие мелодии в мире", - сказал доктор, объяснив эти моменты. "В тяжелом опыте, через который вы только что прошли, сон - это тонизирующее средство для нервов, которому нет замены".

Помня о том, что случилось со мной в то самое утро, я пообещал прислушаться к его совету.

"Очень хорошо, - сказал он, - тогда я поставлю телефон на восемь часов".

"Что вы имеете в виду?" Я спросил.

Он объяснил, что с помощью комбинации работы часов человек может сделать так, чтобы музыка будила его в любое время.

Стало казаться, и с тех пор это полностью подтвердилось, что я оставил свою склонность к бессоннице позади вместе с другими неудобствами существования в девятнадцатом веке; потому что, хотя на этот раз я не принял снотворного, все же, как и прошлой ночью, я не успел коснуться подушки чем я спал.

Мне снилось, что я сижу на троне Абенсеррагесов в банкетном зале Альгамбры, пирую со своими лордами и генералами, которые на следующий день должны были последовать за полумесяцем против христианских собак Испании. Воздух, охлажденный брызгами фонтанов, был насыщен ароматом цветов. Группа девушек-научей, круглолицых и с сочными губами, танцевала со сладострастной грацией под музыку медных и струнных инструментов.

Поднимая взгляд на решетчатые галереи, время от времени можно было заметить блеск в глазах какой-нибудь красавицы из королевского гарема, взиравшей сверху вниз на собранный цветок мавританского рыцарства.

Все громче и громче били тарелки, все более и более диким становилось напряжение, пока кровь расы пустыни больше не могла сопротивляться воинственному бреду, и дворяне сварта вскочили на ноги; тысячи сабель были обнажены, и крик "Аллах иль Аллах!" потряс зал и разбудил меня. Внезапно я обнаружил, что нахожусь среди бела дня, а комната наполнена электрической музыкой "Турецкого пробуждения".

За завтраком, когда я рассказал хозяину о своем утреннем опыте, я узнал, что музыкальное произведение, разбудившее меня, не было простой случайностью. Мелодии, звучавшие в одном из залов в утренние часы бодрствования, всегда были вдохновляющими.

"Кстати, - сказал я, - мне и в голову не пришло спросить вас о состоянии Европы. Были ли общества Старого света также реконструированы?"

"Да, - ответил доктор Лите, - великие нации Европы, а также Австралии, Мексики и некоторых частей Южной Америки в настоящее время организованы промышленно, как Соединенные Штаты, которые были пионерами эволюции. Мирные отношения этих наций обеспечиваются свободной формой федеративного союза мирового масштаба.

Международный совет регулирует взаимные отношения и торговлю членов союза и их совместную политику в отношении более отсталых стран, которые постепенно воспитываются до уровня цивилизованных. Каждая нация пользуется полной автономией в своих собственных пределах".

"Как вы ведете коммерцию без денег?" Я сказал. "В торговле с другими нациями вы должны использовать какие-то деньги, хотя вы обходитесь без них во внутренних делах нации".

"О нет; деньги так же излишни в наших внешних, как и во внутренних отношениях. Когда внешняя торговля осуществлялась частным предприятием, для ее регулирования были необходимы деньги из-за многообразной сложности сделок; но в настоящее время это функция наций как единиц. Таким образом, в мире насчитывается всего около дюжины торговцев, и их бизнес контролируется международным советом, простая система бухгалтерских книг идеально подходит для регулирования их сделок.

Всякого рода таможенные пошлины, конечно, излишни. Нация просто не импортирует то, что ее правительство не считает необходимым для общих интересов. В каждой стране есть бюро обмена иностранной валюты, которое управляет ее торговлей. Например, американское бюро, оценивая такое-то количество французских товаров, необходимых Америке на данный год, отправляет заказ во французское бюро, которое, в свою очередь, отправляет свой заказ в наше бюро. То же самое делают взаимно все народы".

"Но как регулируются цены на иностранные товары, если нет конкуренции?"

"Цена, по которой одна нация поставяет товары другой, - ответил доктор Лите, - должна быть такой же, по какой она поставяет товары своим собственным гражданам. Итак, вы видите, что опасности недопонимания нет. Конечно, теоретически ни одна нация не обязана поставяет другой продукт своего собственного труда, но обмен некоторыми товарами отвечает интересам всех. Если одна нация регулярно поставяет другой определенные товары, с любой стороны требуется уведомление о любом важном изменении в отношениях".

"Но что, если нация, обладающая монополией на какой-либо натуральный продукт, откажется поставяет его другим или одному из них?"

"Такого случая никогда не было и не могло быть без того, чтобы отказывающаяся сторона не причинила гораздо больше вреда, чем другие", - ответил доктор Лите.

"Во-первых, никакой фаворитизм не мог быть юридически продемонстрирован. Закон требует, чтобы каждая нация вела себя с другими во всех отношениях точно так же. Такой курс, который вы предлагаете, отрезал бы нацию, принявшую его, от остальной части земли для любых целей. Непредвиденные обстоятельства - это то, что не должно вызывать у нас особого беспокойства".

"Но, - сказал я, - предположим, что нация, обладающая естественной монополией на какой-либо продукт, которого она экспортирует больше, чем потребляет, должна поднять цену и, таким образом, не перекрывая поставки, получать прибыль от потребностей своих соседей? Его собственным гражданам, конечно, пришлось бы платить более высокую цену за этот товар, но в целом они получили бы от иностранцев больше, чем сами остались бы без средств к

существованию".

"Когда вы узнаете, как в наши дни определяются цены на все товары, вы поймете, насколько невозможно, чтобы они могли быть изменены, кроме как в зависимости от объема или трудоемкости работы, необходимой соответственно для их производства", - был ответ доктора Лите.

"Этот принцип является как международной, так и национальной гарантией; но даже без него чувство общности интересов, как международных, так и национальных, и убежденность в глупости эгоизма в наши дни слишком глубоки, чтобы сделать возможной такую острую практику, которую вы предлагаете. Вы должны понимать, что мы все с нетерпением ожидаем окончательного объединения мира в единую нацию.

Это, без сомнения, будет конечной формой общества и даст определенные экономические преимущества по сравнению с нынешней федеральной системой автономных наций. Между тем, однако, нынешняя система работает настолько почти идеально, что мы вполне довольны тем, что оставляем потомкам завершение схемы. Действительно, есть те, кто считает, что он никогда не будет завершен, на том основании, что федеральный план - это не просто временное решение проблемы человеческого общества, а наилучшее окончательное решение."

"Как вы справляетесь, - спросил я, - когда бухгалтерские книги любых двух наций не сбалансированы? Предположим, мы импортируем из Франции больше, чем экспортируем в нее."

"В конце каждого года, - ответил доктор, - изучаются книги каждой нации. Если Франция окажется у нас в долгу, то, вероятно, мы в долгу перед какой-то нацией, которая должна Франции, и так далее со всеми нациями. Остатки, которые остаются после того, как счета были очищены международным советом, не должны быть большими в рамках нашей системы.

Какими бы они ни были, совет требует, чтобы они урегулировались каждые несколько лет, и может потребовать их урегулирования в любое время, если они становятся слишком большими; ибо не предполагается, что какая-либо нация должна быть в большом долгу перед другой, чтобы не зародились чувства, неблагоприятные для дружбы. Чтобы еще больше предотвратить это, международный совет проверяет товары, которыми обмениваются страны, чтобы убедиться, что они безупречного качества".

"Но с чем в конце концов рассчитываются остатки, учитывая, что у вас нет денег?"

"В национальных основных продуктах; основа соглашения о том, какие основные продукты должны приниматься и в каких пропорциях для расчетов, что является предварительным условием для торговых отношений".

"Эмиграция - это еще один момент, о котором я хочу вас спросить", - сказал я. "Поскольку каждая нация организована как тесное промышленное партнерство, монополизирующее все средства производства в стране, эмигрант, даже если бы ему разрешили высадиться, умер бы с голоду. Я полагаю, что в наши дни эмиграции нет".

"Напротив, существует постоянная эмиграция, под которой, я полагаю, вы подразумеваете переезд в зарубежные страны на постоянное жительство", - ответил доктор Лите.

"Это устроено на основе простого международного соглашения о возмещении убытков. Например, если мужчина в двадцать один год эмигрирует из Англии в Америку, Англия теряет все расходы на его содержание и образование, а Америка получает рабочего даром.

Соответственно, Америка делает Англии надбавку. В целом применяется тот же принцип, изменяемый в зависимости от конкретного случая. Если к моменту эмиграции срок его трудовой деятельности приближается, принимающая его страна получает надбавку.

Что касается слабоумных, то считается наилучшим, чтобы каждая нация несла ответственность за свою собственную, и эмиграция таких лиц должна осуществляться под полными гарантиями поддержки со стороны его собственной нации. В соответствии с этими правилами право любого человека эмигрировать в любое время не ограничено".

"Но как насчет простых увеселительных поездок, туров по наблюдению? Как может незнакомец путешествовать по стране, жители которой не получают денег и сами обеспечиваются средствами к жизни на условиях, не распространяющихся на него? Его собственная кредитная карта, конечно, не может быть хороша в других странах. Как он оплачивает свой путь?"

"Американская кредитная карта, - ответил доктор Лите, - в Европе так же хороша, как раньше американское золото, и при точно таком же условии, а именно, что она должна быть обменена на валюту страны, в которой вы путешествуете. Американец в Берлине относит свою кредитную карту в местное отделение международного совета и получает в обмен на нее всю или часть немецкую кредитную карту, сумма которой списывается с международного счета Соединенных Штатов в пользу Германии."

"Возможно, мистер Уэст хотел бы пообедать сегодня в "Элефанте"", - сказала Эдит, когда мы встали из-за стола.

"Так мы называем общую столовую нашего прихода", - объяснил ее отец. "Мы не только готовим на общественных кухнях, как я говорил вам вчера вечером, но и обслуживание и качество блюд гораздо более удовлетворительные, если их подавать в столовой."

Завтрак и ужин обычно готовятся дома, так как не стоят того, чтобы выходить из дома; но обычно принято выходить пообедать. Мы не делали этого с тех пор, как вы были с нами, полагая, что было бы лучше подождать, пока вы немного лучше ознакомитесь с нашими обычаями. Что вы думаете? Не поужинать ли нам сегодня в столовой?"

Я сказал, что мне было бы очень приятно это сделать.

Вскоре после этого Эдит подошла ко мне, улыбаясь, и сказала: "Прошлой ночью, когда я думала, что я мог бы сделать, чтобы вы чувствовали себя как дома, пока вы немного не привыкнете к нам и нашим обычаям, мне пришла в голову идея. Что бы вы сказали, если бы я познакомила вас с некоторыми очень приятными людьми вашего времени, с которыми, я уверена, вы были хорошо знакомы?"

Я ответил довольно неопределенно, что это, конечно, было бы очень приятно, но я не представляю, как она собирается это устроить.

"Пойдемте со мной, - был ее ответ, который она дала с улыбкой, - и посмотрим, насколько это хорошая идея".

Моя восприимчивость к неожиданностям была довольно сильно истощена многочисленными потрясениями, которые я получил, но я с некоторым удивлением последовал за ней в комнату, в которую раньше не входил. Это была маленькая уютная комнатка, стены которой были заставлены шкапами с книгами.

"Вот ваши друзья", - сказала Эдит, указывая на один из ящиков, и мой взгляд скользнул по именам на корешках томов: Шекспир, Мильтон, Вордсворт, Шелли, Теннисон, Дефо, Диккенс, Теккерея, Гюго, Готорн, Ирвинг и множество других великих писателей из моего времени и за все время я понял, что она имела в виду. Она действительно выполнила свое обещание в том смысле, по сравнению с которым его буквальное исполнение было бы разочарованием.

Она ввела меня в круг друзей, которых столетие, прошедшее с тех пор, как я в последний раз общался с ними, состарило так же мало, как и меня самого. Их дух был таким же возвышенным, их остроумие таким же острым, их смех и их слезы такими же заразительными, как тогда, когда их речь коротала часы прошлого столетия. Одиноким я не был и не мог быть больше с этим замечательным товариществом, какой бы широкой ни была пропасть лет, которая зияла между мной и моей прежней жизнью.

"Вы рады, что я привела вас сюда", - воскликнула Эдит, сияя, когда прочла на моем лице успех своего эксперимента. "Это была хорошая идея, не так ли, мистер Уэст? Как глупо с моей стороны не подумать об этом раньше! Я оставлю вас сейчас с вашими старыми друзьями, потому что я знаю, что сейчас для вас не будет компании лучше, чем они; но помните, вы не должны позволять старым друзьям заставлять вас совсем забывать новых!" и с этой улыбающейся осторожностью она покинула меня.

Привлеченный самым знакомым из названий, стоявших передо мной, я положил руку на том Диккенса и сел читать. Он был моим главным любимцем среди писателей века, - я имею в виду девятнадцатого века, — и в моей прежней жизни редко проходила неделя, в течение которой я не брал бы в руки какой—ни будь том его сочинений, чтобы скоротать свободный час.

Любой том, с которым я был знаком, произвел бы необычайное впечатление, прочитанный в моих нынешних обстоятельствах, но мое исключительное знакомство с Диккенсом и, как следствие, его способность вызывать ассоциации из моей прошлой жизни придали его произведениям эффект, которого не могли оказать никакие другие, усилив контраст странности моего нынешнего окружения.

Каким бы новым и удивительным ни было окружение, тенденция состоит в том, чтобы стать его частью так скоро, что почти с самого начала теряется способность видеть их объективно и полностью оценивать их необычность. Эту силу, уже притупленную в моем случае, страницы Диккенса восстановили, вернув меня через их ассоциации к точке зрения моей прежней жизни. С ясностью, которой я не мог достичь раньше, я видел теперь прошлое и настоящее, как контрастные картины, бок о бок.

Гений великого романиста девятнадцатого века, как и гений Гомера, действительно мог бросить вызов времени; но декорации его трогательных рассказов, страдания бедных, несправедливость власти, безжалостная жестокость системы общества, ушли в прошлое так же бесследно, как Цирцея и сирены, Харибда и Циклоп (враги, представленные в «Иллиаде» и «Одиссея» прим. пер.).

За час или два, что я просидел там с открытым передо мной Диккенсом, я на самом деле прочитал не больше пары страниц. Каждый абзац, каждая фраза поднимали какой-то новый аспект произошедшей трансформации мира и уводили мои мысли в долгие и широко разветвляющиеся экскурсии. Так я медитировал в Библиотеке докторе Лита.

Постепенно я получил более ясное и связное представление о потрясающем зрелище, которое мне так странно довелось увидеть, я был полон все большего удивления кажущейся капризностью судьбы, которая дала тому, кто так мало заслуживал этого или казался каким-

либо образом, выделенным для этого, единственная сила среди его современников стоять на земле в эти последние дни.

Я не предвидел новый мир и не трудился ради него, как это делали многие вокруг меня, невзирая на презрение глупцов или злодеев. Несомненно, было бы более уместно, если бы одна из этих пророческих и напряженных душ получила возможность увидеть будущее и быть удовлетворенной; он, например, в тысячу раз больше, чем я, который, увидев в видении мир, на который я смотрел, пел об этом в словах, которые снова и снова, в течение этих последних чудесных дней, звучали в моей голове:

Ибо я погрузился в будущее, насколько мог видеть человеческий глаз.

Увидел видение мира и все чудеса, которые могли бы быть;

Пока не перестал бить военный барабан и не были свернуты боевые знамена.

В парламенте человека, федерации мира.

Тогда здравый смысл большинства будет держать беспокойное царство в благоговейном страхе,

И добрая земля будет дремать, подчиняясь вселенскому закону.

Ибо я не сомневаюсь, что сквозь века проходит одна все возрастающая цель,

И мысли людей расширяются вместе с процессом солнц. (стих Альфреда Лорда Теннисона британского поэта 1842 года)

Что, несмотря на то, что в старости он на мгновение потерял веру в свое собственное предсказание, как это обычно делают пророки в часы депрессии и сомнений; слова остались вечным свидетельством прозорливости сердца поэта, проницательности, которая дается вере.

Я все еще был в библиотеке, когда несколько часов спустя доктор Лите разыскал меня там.

"Эдит рассказала мне о своей идее, - сказал он, - и я счел ее превосходной. Мне было немного любопытно, к какому писателю вы бы обратились в первую очередь. Ах, Диккенс! Значит, вы им восхищались! Вот в чем мы, современные люди, согласны с вами. Если судить по нашим стандартам, он превосходит всех писателей своего времени не потому, что его литературный гений был высочайшим, а потому, что его великое сердце билось ради бедных, потому что он сделал дело жертв общества своим и посвятил свое перо разоблачению его жестокости и обмана.

Ни один человек его времени не сделал так много, как он, чтобы обратить умы людей к неправильности и убожеству старого порядка вещей и открыть им глаза на необходимость грядущих великих перемен, хотя сам он этого явно не предвидел".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2702442>